

Подавляющее большинство людей в Деревнях Ниндзя способны извлекать чакру, однако у каждого свои таланты, и количество чакры, которое удастся извлечь, тоже различается.

Для чего вообще существуют ниндзя? — продолжил расспрашивать Годжо Сатору.

Ему действительно было любопытно. Количество ниндзя превосходило число обычных людей, к тому же в их мире не водилось проклятых духов, чьим единственным смыслом жизни было истребление всего живого, а значит, сама концепция необходимости защищать простых людей просто не могла возникнуть.

Разве это не странно? Пять великих стран и при них пять Деревень Ниндзя. Получается, деревни выступают некими вассалами государств. Но ведь ниндзя обладают невероятной силой, как у них вообще до сих пор сохраняется концепция государства? Годжо Сатору чувствовал себя крайне озадаченным.

Существуй ниндзя лишь в единичных экземплярах, их использовали бы как секретное оружие государства. Но когда их так много, ни о каком секретном оружии речи не идет, да и подчиняться приказам правителей страны ниндзя совершенно не обязаны. Скорее, это государства должны беспрекословно повиноваться воле ниндзя.

Какаши горько улыбнулся. Вот на это... отвечать ему действительно не хотелось.

И зачем только он ввязался в эту игру в вопросы и ответы с Годжо Сатору? Как ни крути, в убытке оставался только он сам...

Какаши тяжело вздохнул, глядя на неотрывно уставившегося на него Годжо Сатору, и в очередной раз пожалел о принятом решении.

Поздравляем мастера делать выводы Годжо Сатору с победой в состязании вопросов и ответов!

Лидер Дазай: Значит, я тоже появлюсь в будущем?

Я: Ах... Вообще-то планировался, но почему мне кажется, что сюжет становится всё более затянутым?

О боги, изначально я собирался закончить эту беседу еще в шестой главе...

Прогресс совместимости: 9%

На самом деле, ценность ниндзя... — вспомнив сотню с лишним правил ниндзя, вплавленных в его собственную душу, начал Какаши, — в поддержании порядка, а смысл существования деревни превыше всего.

Тут же тон Какаши стал чуть более непринужденным: — Ну, в конце концов, столь своеобразные ценности — порождение обстоятельств той эпохи. Чем-то это напоминает здешних полицейских и солдат: абсолютное подчинение руководству, строгое следование правилам и готовность пожертвовать собой ради родины. Если взглянуть на это под таким углом, то всё становится вполне понятно, верно?

Нет, дело вовсе не в том, понятны мне эти ценности или нет. Годжо Сатору был слегка озадачен, и его замешательство касалось главным образом самого Какаши.

Наверное, ниндзя категорически запрещено предавать деревню и нарушать правила?

Задав этот вопрос просто из праздного любопытства, Годжо Сатору даже не подозревал, что случайно процитировал один из сводов правил Анбу от начала и до конца.

Верно, — кивнул Какаши. Тут всё обстояло именно так.

Тогда скажи, Какаши, ты сам-то — ниндзя? — продолжил допрос Годжо Сатору.

Какаши на мгновение замер: — К чему ты это спрашиваешь?

Годжо Сатору уж точно не мог не понимать, кто перед ним, так зачем же задавать столь очевидные вопросы... Из-за ценностей ниндзя? Или он пытается узнать что-то более глубокое о самом сообществе ниндзя?

Годжо Сатору заметил замешательство Какаши и пояснил: — Хотя я и знаю, что Какаши — ниндзя, но... — их взгляды встретились, — про деревню пока забудем, но ты ведь совсем не похож на человека, слепо цепляющегося за эти замшелые правила?

Какаши никак не ожидал услышать подобное от Годжо Сатору. Пусть это были лишь догадки, но вопрос бил прямо в цель и отличался пугающей проницательностью.

Слепо цепляться за правила? И впрямь, он никогда не был таким человеком. Можно ли его тогда вообще называть ниндзя?

Пальцы Какаши коснулись повязки на лбу. Деревянный знак Конохи, который он не менял с тех пор, как стал чунином, изрядно потёрся, но выбитый на нем символ деревни по-прежнему оставался четким.

Он всё еще помнил того Какаши, который ставил под сомнение решение собственного отца, того Какаши, что отчаянно цеплялся за правила, пока, лишившись абсолютно всего, не осознал, насколько же смехотворно было его невежество.

Кто бы мог подумать, что он умудрится затронуть даже эту тему? Настроение Какаши сделалось на редкость сложным.

Годжо Сатору заметил выражение лица Какаши. Подобная реакция совсем не походила на сомнения в собственной ценности, но столь сложное выражение лица выглядело так, будто признание давалось ему ценой невероятных страданий... Неужели вопрос задел за живое, и он просто смутился?

Лицо Годжо Сатору оставалось невозмутимым, но его внутреннее «я» уже вовсю билось в истерику и безудержно хохотало, создавая забавный контраст с внешним спокойствием.

Какаши, неужели у него никогда не было близких друзей и он никогда не открывал никому душу? Какая чистая душа, ха-ха-ха, это просто умора! Такой неловкий, застенчивый вид... Крышу сносит окончательно.

Из-за невероятно чистых, обманчиво искренних глаз Годжо Сатору, чей взгляд напоминал хищного зверя, Какаши чувствовал лишь смутное беспокойство, не подозревая об истинных мыслях собеседника.

Хотя я и не соблюдаю абсолютно все правила, я, разумеется, ниндзя, — ответил Какаши.

Каждый ниндзя — это отдельная личность, у каждого свой собственный путь ниндзя и свои собственные ценности.

Кончики ушей Какаши слегка покраснели, и он чуть отвернулся, прикрывая эту странную слабость прядями волос.

Он никогда и никому не высказывал вслух свои мысли, даже стоя перед мемориальной плитой — лишь молча изливал душу в тишине.

Кто бы мог подумать, что однажды подобные высокопарные фразы слетят с губ самого Хатаке Какаши? Истинное украшение для предков рода Хатаке.

В этот момент Какаши изо всех сил гнал от себя мысли о том, какого чёрта он вообще рассуждает о подобном перед Годжо Сатору, ведь стоило только задуматься об этом, как становилось еще стыднее.

Э? И каков же твой путь ниндзя, Какаши? — Годжо Сатору решил зайти с козырей и не собирался отступать.

Он, Годжо Сатору, был твердо уверен: как бы Какаши ни ломался и ни сопротивлялся, он всё равно ответит на его вопрос. (Потому что он — сильнейший.)

Хотя Какаши редко делился личными размышлениями, происходило это главным образом потому, что никто и не спрашивал. Годжо Сатору был уверен, что задай он сам какой-нибудь смущающий вопрос, Какаши бы тоже ему ответил.

Прямо сейчас вес Какаши на весах Годжо Сатору перевешивал даже мнение лучшего друга. Неужели он наконец нашел того самого товарища, которого так долго искал? С некоторой точки зрения, этот «товарищ» выглядел несколько сомнительно.

Впрочем, Годжо Сатору пока не углублялся в подобные размышления, ведь в данный момент им двигали исключительно прагматичный карьеристский настрой и возвращенная Сугуру Гето тяга к поиску товарищей.

В конце концов, человек, способный бросить злодейскую фразу вроде: «Лишь я один достоин почитания во всем мире и на небесах», — разве мог он страдать от романтической ерунды? Любовная лирика — удел простых смертных, она лишь мешает проявлению истинной силы.

Верно, он, Годжо Сатору, заявляет со всей определенностью. Ему нужно лишь...

(Годжо Сатору внезапно появляется перед компьютером, снимает повязку и впирается глазами в клавиатуру и собственную руку, готовую напечатать слово «товарищ», отчего клавиатура в панике сама стирает недописанное и решает впредь воздержаться от подобных слов на ближайшее время.)

Сам он, Годжо Сатору, пока еще не осознал, что его особое внимание к Какаши давно вышло за рамки товарищеских отношений, а потому и не догадывался, что это чувство зовется любовью.

Какаши помимо воли вспомнил слова, сказанные им самим членам Седьмой команды.

Те, кто нарушает правила, — мусор. Но те, кто не ценит своих товарищей, — худший из мусора.

Прежде чем искренне поверить в эти слова, он слышал похожие вариации от отца и от Обито.

Тот, кто не способен защитить товарищей, не достоин зваться ниндзя.

В мире ниндзя те, кто нарушает правила, зовутся отбросами, но те, кто не умеет дорожить товарищами, хуже отбросов.

И впрямь, благодаря отцу и Обито он теперь мог и дальше следовать этому пути ниндзя, заставив при этом учеников запомнить данную фразу после битвы за колокольчики... Погодите-ка! Битва за колокольчики?

Прекрасно, Годжо Сатору, я ведь уже почти забыл об этом, но раз уж тебе так хочется знать, я

так и быть, проявлю великодушие и расскажу.

В эту секунду обладающий дурным чувством юмора Первый техник Конохи издал в мыслях победный клич «Тайной техники Конохи».

Какаши потер подбородок — это были поистине прекрасные воспоминания, и его голос заметно посветлел.

Мой путь ниндзя? Такое не описать в двух словах, пожалуй... битва за колокольчики.

Битва за колокольчики? — Годжо Сатору склонил голову набок. В его понимании существовали разве что бои подушками, но если говорить о ниндзя... пусть это и называлось битвой за колокольчики, сам смысл вряд ли сводился к тривиальной погоне за погремущками. Годжо Сатору озвучил свою догадку.

О? А ты догадливый! — Какаши улыбнулся и кивнул, его голос звучал на редкость радостно. — Я придумал это, когда писал планы уроков после получения звания учителя, а позже сделал это первым практическим занятием для Седьмой команды.

О, пусть у Какаши была всего одна команда — Седьмая, и никаких последующих уроков уже не предвиделось, этим всё же стоило погордиться.

Впрочем, назвать это уроком трудно — скорее, ледокол, испытание для новичков, только что окончивших Академию и официально ставших ниндзя.

Бывают и такие испытания? Звучит заманчиво! — Годжо Сатору был слишком хорошо знаком с этим довольным выражением лица Какаши.

В Магическом техникуме учитель Яга обожал строить именно такую физиономию после того, как вдоволь поизмывался над ним и Сугуру Гето. Позже это выражение лица стало появляться и на его собственном лице?

И впрямь, это та самая негласная солидарность между учителями! Солидарность, рождающаяся из садистского удовольствия от мучения учеников!

Как бы мне хотелось при случае побывать на уроке Какаши в качестве преподавателя, уверен, его ученики почерпнули бы массу полезного.

Ха-ха-ха, если бы сошлись два безответственных преподавателя с сомнительным чувством юмора, боюсь, этот класс в полном составе подал бы на отчисление.

Кстати, а какие предметы ведет Годжо Сатору? Сколько же у его учеников накопилось обид...

Удастся ли этой школе вообще набрать хоть кого-то?

Ходили слухи, что в том мире набор ведется самостоятельно, да и отчислиться можно по собственному желанию... Учитель Какаши, которому Хокаге насильно спихнул Седьмую команду и которого заставили их учить, лишь загадочно улыбался.

И всё же, как именно проходит битва за колокольчики? Какаши-сенсей отнимает колокольчики у собственных учеников?

Ну, суть в том, чтобы убедить их: только заполучив колокольчики, они станут моими учениками, а тот, кому не достанется колокольчика, отправится на второй год. — Вспомнив те серебряные бубенчики, Какаши машинально полез в карман и вытащил две заветные связки, которые всегда носил с собой.

Стоило появиться колокольчикам, как Годжо Сатору расслышал их звон. «Сломанные колокольчики?» Вспомнив слова Какаши о чакре, Годжо Сатору пока придержал свое удивление.

Вещдок во всей красе — те самые старые колокольчики. В ходе ожесточенной схватки они слегка помялись, а во время второго испытания и вовсе окончательно сломались.

Тем не менее, Какаши так и не смог заставить себя выбросить их. Если влить внутрь немного чакры, они по-прежнему издавали тот же самый чистый звон.

После того как Наруто и Джирая вернулись в деревню, воспользовавшись тем, что все четверо оказались в сборе, они устроили второе великое сражение за колокольчики. Какаши до сих пор пробирало на смех при воспоминании о лицах тех троих, когда он извлек из кармана те самые бубенчики, а они смотрели на него так, будто он обладал даром предвидения.

Какое там предвидение — с того самого первого дня, как они сдали экзамен, эти колокольчики ни разу не покидали его карман. В конце концов, это была единственная память, что у него осталась.

Три генина против с виду не слишком сильного преподавателя — сколь бы талантливы они ни были, в конце концов им оставалось лишь уныло жаться по углам и строить планы... Научить трех сорванцов важности командной работы, заодно заставив двух главных заноз в заднице наконец посмотреть правде в глаза. — Какаши тихонько усмехнулся.

Тогда стоило запечатлеть выражения их лиц на фотоаппарат на память. Подумав об этом, он понял, что оставался непростительно мягкосердечным, раз ограничился лишь одной общей фотографией.

Учебный реквизит всегда под рукой? — глаза Годжо Сатору блеснули. Похоже, он и вправду

придавал колоссальное значение командной работе, и трое учеников его не разочаровали...

Однако... Трое учеников и всего два колокольчика. Даже заполучив заветную вещицу, им пришлось бы решать, как ее поделить. Уйти троим, оставив одного ни с чем — разве это не шло вразрез с принципом доверия и командной духи? О-го, дело тут явно не ограничивалось банальным пониманием командной работы.

Глаза Годжо Сатору вспыхнули. Путь ниндзя, выбранный Какаши — кажется, он начинал догадываться, в чем он заключается. — А что делать, если из троих один всё же останется на второй год?

Разумеется, не сдали оба... то есть все трое, — Какаши улыбнулся и изобразил в воздухе крест. — Хоть три генина и могли добыть колокольчики только сообща, та командная работа, о которой говорю я, — это вовсе не экстренная мера на случай столкновения с превосходящими силами противника.

Но когда ниндзя выполняет задание и перед ним встает выбор: «миссия или жизнь товарища», — он обязан поставить интересы деревни на первое место, — добавил Какаши.

Так вот в чем твой путь ниндзя? — голос Годжо Сатору был полон изумления, а глаза сияли необычным блеском. — Товарищи важнее задания?

Ну, если рассуждать с этой точки зрения, я уже давно нарушил основные правила ниндзя, но сейчас, оглядываясь назад, понимаешь: правила ведь для того и существуют, чтобы их нарушать...

Какаши почесал затылок, его голос звучал лениво: — Вообще-то первым нарушителем правил ради товарищей был мой отец. Но вот истинным наследником этой идеи стал вовсе не я... Теперь, когда я думаю об этом, тот парень был куда более образцовым ниндзя, чем я когда-либо. — В словах Какаши проскользнула нотка самоиронии.

Тот наследник заставил тебя прозреть? — Какаши кивнул, и на его губах заиграла улыбка.

Именно так. Спасибо тому безмозглому фанату Белого Клыка — Учихе Обито.

Он... был новичком-генином из моей команды в годы ученичества. Донельза слабый, но чтобы заставить меня признать отца героем, он лез вон из кожи, заявляя, что выбьет из меня всю дурь, и даже валяясь в грязи от моих ударов, продолжал твердить, что он мой товарищ — настоящий дурень. — Какаши коснулся своего левого глаза, а в его голосе смешались тоска и боль.

Годжо Сатору почувствовал, как у него сжалось сердце. Ведь это была история, способная наградить человека тяжелейшим ПТСР, почему же Какаши рассказывал о ней так, будто всё

это не имело к нему никакого отношения... Годжо Сатору вдруг стало невыносимо тяжело.

В своем мире Годжо Сатору был абсолютным сильнейшим, к тому же в столь мирную эпоху никаких войн на его веку не случалось, так что все его познания о войнах ограничивались терминами из учебников по истории. Единственным подобием военных действий, что ему довелось «увидеть», были унылые черно-белые документальные хроники.

По его мнению, само слово «война» было лишь прикрытием, за которым скрывались жадность и гниль верхушки.

В конце концов, это была лишь партия в настольную игру между власть имущими, обычная шахматная партия, где победитель забирает всё, а проигравший теряет голову.

В те времена он даже подумывал лично ввязаться в бой ради интереса, а рассуждая о войне, самодовольно бросал фразы вроде: «Да я же сильнейший, было бы неплохо найти достойного противника», или: «Война — это всего лишь игрища верхушки, стоит скормить этих политиканов свиньям, как в мире тут же наступит всеобщий мир».

Но теперь, глядя на Какаши, Годжо Сатору понял, что тогда он совершенно не уловил главного посыла тех документалок. Как ни странно, но Шесть Глаз, способных узреть самую суть вещей и разобрать войну по косточкам, оказались бессильны перед экраном хроники.

Кадры взаимного истребления людей в документальных фильмах позволили Шести Глазам увидеть то, что остается после «войны» — он осознал всю изнанку этой трагедии, но так и не смог разглядеть самую «войну», а точнее, боль тех, кто прошел через этот ад наяву.

Те, кого силой гнали на поле боя сражаться за чужие интересы, те, кто собственными руками обаграл руки кровью сородичей, своими глазами видел гибель товарищей и на собственной шкуре прочувствовал всю жестокость войны — лишь те немногие, кому посчастливилось выжить, и были истинным воплощением войны.

Годжо Сатору бросил взгляд на Какаши, ощутив острую укол вины. Из-за праздного любопытства он заставил Какаши вновь содрать заживающие шрамы и выставить их на всеобщее обозрение.

Какаши словно бы заново распарывал свежую рану, истекая кровью перед ним, при этом сам оставаясь абсолютно невозмутимым.

Пожалуй, прежнее описание было недостаточно тонким. Скажи Годжо Сатору в лоб: «Изгони проклятие, оставленное тебе Обито», — и они бы тут же получили худшую концовку.

Обито ведь был главной святыней Какаши, недостижимым идеалом, пусть они и оставались лучшими друзьями.

В конце концов, Обито до самого конца сражался за то, чтобы вбить в голову Какаши принцип «признания товарищей», так что Какаши в итоге успешно взрастил в себе именно эту товарищескую одержимость.

Обито: Я жизнью своей рисковал, чтобы взрастить в Какаши эту черту. Дед сажал дерево, внук пожинает плоды. Так ты еще хочешь меня изгнать, получив всё готовое?

Годжо Сатору: Поздние пчелки мед собирают первыми, я занял это место благодаря удачному стечению обстоятельств, и собираюсь использовать твою память для укрепления собственной дружбы?

Прогресс совместимости: 10%

Годжо Сатору моргнул, прогоняя подступившее к горлу жжение. Какаши казался человеком, уже отпустившим бывшее мрачное прошлое, он мог спокойно рассуждать о тех позорных воспоминаниях, и пусть внешне он выглядел невозмутимым, подлинная душа под присмотром Шести Глаз стонала и надрывалась от боли.

Какаши не догадывался, насколько глубоко способны проникать Шесть Глаз, и принимал Годжо Сатору за чрезмерно сентиментального парня, а потому не стал забивать себе голову лишними мыслями и продолжил: — Силы наши были велики, но даже после победы в войне скрытая угроза со стороны вражеских ниндзя никуда не делась, так что войну еще нельзя было считать оконченной.

К исходу войны ресурсы иссякли до дна — не хватало ни средств, ни боеспособных людей, а поскольку число еще способных сражаться ниндзя оставалось решающим фактором победы, на передовую приходилось отправлять даже детей, чтобы хоть как-то закрыть бреши.

Пальцы Годжо Сатору, спрятанные под столом, невольно сжались в кулаки. Те, кому довелось родиться в эпоху войн, с самого первого вздоха были обречены отправиться на бойню, а не обладающие достаточной силой дети шли лишь в расход ради заполнения списочного состава...

Если ты с пеленок знаешь, насколько опасен этот мир, и с малых лет наблюдаешь бесчисленные смерти, то как выжившему удавалось нести этот неподъемный груз боли и все же находить в себе силы жить дальше?

Годжо Сатору подумал, что Какаши был прав: его мир слишком сложен, чтобы объяснить всё в двух словах. Впрочем, скорее всего, дело было в том, что сам Какаши еще не до конца научился принимать чужеродную картину мира.

Пусть ниндзя и шаманы действительно принадлежали к разным эпохам, разным уровням силы и даже разным мирам, но он обладал Шестью Глазами, а значит, стоило лишь обрисовать ситуацию, как Шесть Глаз позволяли ему воочию прочувствовать чужую реальность, так что проблем с восприятием чужого мировоззрения возникнуть не должно было...

Хотя, определенные непонятные моменты всё же оставались... Кто бы мог подумать, что Какаши окажется настолько проницательным.

<http://bllate.org/book/19320/1889920>